

V.V. Менщиков

Курганский государственный университет,
Курган, Россия
vmen1@yandex.ru

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
КТО И КОГДА ИЗОБРЕЛ ЗАУРАЛЬЕ?**

V.V. Menshchikov

Kurgan State University, Kurgan, Russia
vmen1@yandex.ru

**CONSTRUCTION OF THE HISTORIC SPACE: WHO AND WHEN INVENTED
THE TRANS-URALS (ZAURALYE)**

ABSTRACT: The article is devoted to the design of the historic space. The territorial scope of historical research has an operational character. We can select the basic structural opposition, which characterizes the studied historical space, this is a country — region and state as an administrative and territorial unit. In this connection, it is possible to study the various historical events, for example, a part of the Tobolsk province or Western Siberia. Depending on the subject of a research territorial limits define the scope and nature of the view of the relevant portion of the historical reality. As a result, there are different images of this reality. The correctness of the established spatial boundaries is defined by semantic accents in the formulation of the subject of historical research. The word “Zauralye” was started to use steadily from the first half of the XIX century and originally it named the eastern agricultural district of the Perm province, speaking spatio-semantic opposition to the mining area Urals. The term Zauralye became associated with the Kurgan region from the 1990s. The use of the modern spatial concepts should

be under the strict rules. In particular, they (the concepts) should have operational character, and we must always be aware of the danger of reification, that gives an ontological (existential) status of this ideal constructs.

Территориальные (пространственные) рамки являются одним из наиболее важных параметров значительной части, а в имплицитном виде, пожалуй, всех исторических исследований. Можно выделить несколько уровней исторического пространства, становящегося предметом изучения. Современные исследователи И.М. Савельева и А.В. Полетаев выделяют четыре таковых: всемирная история, региональная, страновая и локальная [Савельева, Полетаев, 2007, с. 175]. Однако в конкретно-историческом контексте, как нам представляется, территориальные рамки (пространство) становятся самостоятельно действующими в трех масштабных единицах — страновая (национально-государственная), субстрановая (административно-территориальная единица, регион) и локальная (город, село, местность и т.п.). С одной стороны, определение территориальных рамок исследования выглядит довольно банальной, даже в чем-то рутинной операцией, относящейся, скорее, к «ритуальным» действиям (в первую очередь это касается диссертационных работ). С другой стороны, эта процедура тесно связана с корректным определением предмета (рамок) исследования и соответствующим набором исследовательского инструментария.

Обращаясь к смысловому анализу территориальных рамок (параметров) исторического исследования, в качестве ключевого понятия мы выделяем категорию «пространство». Применительно к исследованиям социальной сферы эта категория выступает в качестве метафоры. Как только человеческое сознание в осмыслении или описании социальной реальности начинает использовать категории «вертикальности» и «горизонтальности», можно смело утверждать о переносе качеств физического пространства на общественное, то есть происходит своеобразное конституирование понятия социального пространства. Указанная выше процедура определения территориальных рамок в большей степени или, по крайней мере, первоначально связана с механизмом соединения или взаимодействия социального и физического (географического) пространств. «Историческое пространство мы понимаем, — отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, — как взаимодействие социального пространства с географическим применительно к прошлому» [Савельева, Полетаев, 2007, с. 160]. В зависимости от характеристик предметной области исследования формируется соответствующая модель данного взаимодействия: либо социальное пространство является доминирующей составляющей, а физическое (географическое) пространство выступает в качестве пассивного начала, испытывающего конструирующее воздействие первого, либо — наоборот. По мнению современного российского географа В.Л. Каганского, «страна и государство — онтологически разные образования, которые не могут состоять из одних и тех же частей... Страна — реальный («естественный», в некотором смысле) макрорегион культурного ландшафта, государство — институциональная конструкция, ее проекцией в пространство является государственная территория» [Каганский, электронный ресурс]. Тем самым можно выделить основные структурные оппозиции, характеризующие изучаемое историческое пространство. Это страна — регион и государство — административно-территориальная единица. В связи с этим является возможным изучение тех или иных исторических явлений, к примеру, в рамках Тобольской губернии или Западной Сибири.

В этой связи возникает еще один вопрос: происходит ли искажение исторической реальности в зависимости от избранных пространственных рамок? Думаем, что нет, и в данном случае вообще неприемлем такой подход. В зависимости от предметно-исследовательского конструкта территориальные рамки задают масштаб и характер взгляда на соответствующий фрагмент исторической реальности. В результате возникают разные образы этой реальности. Корректность устанавливаемых пространственных границ определяется лишь смысловыми акцентами в формулировке предмета исторического исследования.

Как совершенно справедливо отмечает Д.Н. Замятин, «сама специфика освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода геоэкономических границ» [Замятин, 1999, с. 167]. Именно вследствие этого в отечественной традиции принято оперировать такими семантически размытыми понятиями, как Зауралье, Забайкалье и т.п. «Нечеткость границ геоэкономических пространств способствует выделению своеобразных

геоэкономических образов, которые выступают в данном случае как их устойчивые ядра» [Замятин, 1999, с. 167]. Поэтому оказывается легче выявить основное ядро региона, чем определить его конкретные границы. Большая часть российских историко-географических областей осознаются как ярко выраженные ядра с весьма расплывчатой периферией — Прикамье, Приобье, Приамурье, Поволжье (территории вдоль соответствующей реки); Предуралье, Забайкалье, Зауралье, Приморье (территории, прилегающие к горам или крупным водным объектам) и т.п. Но где границы всех перечисленных территорий, где, например, заканчивается Зауралье и начинается Западная Сибирь, оказывается, определить очень сложно.

В этой связи весьма любопытна и поучительна история ойконима «Зауралье». Опишем лишь ее основные вехи. Сам термин начинает устойчиво употребляться с первой половины XIX века и первоначально обозначал восточные сельскохозяйственные уезды Пермской губернии, в каком-то смысле выступая пространственно-смысловой оппозицией территории горнозаводского Урала. Однако, ни в это время, ни значительно позже (на рубеже XIX-XX вв., первой половине XX в.) он широкого распространения не получил. С большим трудом этот ойконим можно найти в литературе того времени. Своеобразный ренессанс произошел во второй половине XX в. «Зауралье» оказалось «присвоено» Курганской областью, возникшей в 1943 г. Но действительно термин стал ассоциироваться с данной областью с 1990-х гг. Еще в советское время главная областная газета получило название «Советское Зауралье», также называлось и ведущее издательство. На рубеже 1950-60-х гг. курганский историк А.А. Кондрашенков вводит термин «Зауралье» в научные исторические тексты. В новейшее время производные от этого наименования стали возникать повсеместно, приобретая институциональный статус. Главная информационная программа — «Вести Зауралья», газеты «Зауралье», «Зауральский курьер», издательство «Зауралье», Зауральский отдел Русского географического общества, курганский ЦУМ был переименован в «Зауральский торговый дом», многочисленные коммерческие организации — банк «Зауральский бизнес», «Зауралинвест» и т.д.

В дальнейшем необходимо выяснить, какую роль в этом сыграли интеллектуальные сообщества, насколько целенаправленно и с какой степенью осознанности проходил процесс присвоения этого ойконима. Но именно с начала 1990-х гг. курганские историки начали целую серию исследований, в которых «Южное Зауралье» и «Зауралье» стали основными территориальными единицами научных изысканий [Меншиков, 2002; Меншиков, 2006].

В массовом сознании «Зауралье» практически совпадает с Курганской областью, территориальное содержание историко-географического района (региона) в данном случае тождественно административно-территориальной единице, границы которой всегда довольно условны и имеют особенность постоянно перекраиваться. В научных текстах, конечно, такого отождествления не происходило. В большинстве случаев территория региона описывалась как частично или в основном совпадающая с границами современной Курганской области. Но именно в этом постоянном упоминании границ современной области в исследованиях, посвященных истории XVII — начала XX в., когда этой административной единицы и в помине не было, ярко проявляется обратное воздействие массового сознания на научное. Современные территориальные рамки «опрокидываются» в прошлое, когда их не существовало, что создает сложно преодолимый соблазн подбора «нужного» фактического материала. Это своеобразный ретроспективный презентизм. Ведь если сегодня существует область с конкретными границами, то должно ведь что-то быть в прошлом, что являлось некоторым прообразом или истоками ее современного состояния. Вроде бы логично, но именно здесь кроется возможная интеллектуальная ловушка исторического обоснования региональной идентичности, о которой пишет американский историк А. Мегилл, что «...формирующая идентичность история имеет дело только с тем, что она понимает как «нашу» идентичность» [Мегилл, 2007, с. 447], а затем предупреждает о том, что в итоге создается ложное впечатление: «... поскольку история пошла именно по этому пути, мы склонны думать, что другого пути не было» [Мегилл, 2007, с. 449].

Все вышесказанное, конечно же, не отменяет возможность использовать современные понятия (в том числе территориальные) при описании прошлого, когда этих понятий не существовало.

Но их использование должно подчиняться строгим правилам. В частности, они (понятия) должны носить операциональный характер, и мы всегда должны помнить об опасности реификации, то есть придания онтологического (бытийного) статуса этим идеальным конструктам.

Список литературы

1. Замятин Д.Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России// Регионоведение. 1999. № 1. С. 163-173.
2. Каганский В.Л. Страна как проблема. URL: <http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=285&numid=7> (Дата обращения: 07.04.2016).
3. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
4. Меншиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. 200 с.
5. Меншиков В.В., Кислицын В.А., Совков Д.М. Курганская область: Зауралье, Урал или Сибирь?// IV Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. С. 11-13.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. 523 с.